

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

О ЧИТАТЕЛЬСКИХ АТРИБУЦИОННЫХ ОШИБКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКИХ ИЗДАНИЙ XVIII В.)

Среди читательских помет на книгах, изданных в XVIII в., особую группу составляют приписки на титульном листе, раскрывающие тему сочинения или дающие информацию об авторе и его герое. Большинство рукописных вставок представляет собой необходимые, на взгляд читателя, дополнения к заглавию и не нуждаются в комментариях; другие записи загадочны и требуют специального исследования. Так, на титульном листе одного из шведских экземпляров «*Historia Hialmari regis Biarmlandiae*» (б. м., б. г.; в русском переводе конца XVIII в. — «История о Гиалмаре, Царе Биармландском и Тулемарском») имеется карандашная приписка: «*Johanhjowirlidyn Stockholm 1764*». Без сомнения, здесь значится имя известного шведского издателя, автора пятитомной «*Catalogus disputationum in academiis et gymnasiis*» (Uppsala, 1778—1780) Юхана Хенрика Лидена (*Johan Henrik Lidyn*; 1741—1793), правда, смысл этого примечания непонятен: книга под таким названием выходила в Швеции в 1700, 1703, 1710 и 1721 гг., и Лиден в ее издании участия не принимал. Можно допустить, что перед нами владельческая надпись, однако это предположение нуждается в проверке.

Специального анализа требуют и предложенные читателями атрибуции. В XVIII в. количество изданий анонимных сочинений было чрезвычайно велико, и попытки найти автора предпринимались крайне редко (один из примеров — атрибуционная работа Трелиаковского-переводчика), поэтому весьма вероятно, что обнаруженные нами приписки неизвестных читателей делались в последующие столетия. В отличие от пометы на «*Historia Hialmari*», даты в подобных записях, как правило, не указываются, и значит отсутствуют даже косвенные данные о времени работы атрибуциониста. При этом мы не знаем, на каком основании текст атрибутирован именно этому писателю и, следовательно, можем усомниться в справедливости читательского предположения. Характерно, что большое количество атрибуционных ошибок и спорных аттетез обнаруживается в шведских изданиях оригинальных и переводных произведений второй половины XVIII в. на «русскую» тему. Подобные пометы позволяют судить о степени знакомства шведской читательской аудитории с сочинениями шведских авторов XVIII в. о России и с русской литературой XVIII в., и, таким образом, ошибочные атрибуции и аттетезы являются отдельным пунктом исследования русско-шведских литературных взаимоотношений.

В начале 60-х гг. XVIII в. в Швеции появились два стихотворения, посвященные российским монархам: в 1760 г. в Стокгольме вышла ода «Его Высочеству Павлу Петровичу, Великому Князю Российскому»¹, в 1762 г.

¹ Til hans kejsrerliga hughet Paul Petrowitz, storfurste af Ryssland. Stockholm, 1760

в Стокгольме же было издано стихотворение «На ее императорского величества Елизаветы Петровны прискорбную кончину»¹. Первое сочинение принадлежит знаменитой шведской поэтессе Х. Ш. Норденфлюхт (Nordenflycht), второе, как указано на титульном листе, — Ю. Брелину (Brelin; 1734—1782). Если авторство Норденфлюхт никогда и ни у кого сомнений не вызывало (известно, что российской императрице Елизавете Петровне эта ода понравилась, и шведская поэтесса получила денежную награду), то принадлежность стихотворения 1762 г. Брелину была оспорена одним из шведских читателей. На титуле хранящегося в библиотеке университета Упсалы экземпляра книги имеется рукописная приписка, из которой следует, что создателем этого стихотворения является поэт из круга той же Норденфлюхт, автор «Речи о Поэтическом искусстве» (1761) О. Бергклингт (Bergklint; 1733—1805). Причины, давшие основание опровергнуть авторство Брелина, неизвестны; очевидно лишь, что ода на смерть российской императрицы принадлежит к числу шведских панегирических стихотворений, посвященных шведским монархам (так, говоря о наследнике Елизаветы Петровны Петре Федоровиче, автор вводит основной для шведских торжественных од мотив: в жилах правящего монарха течет кровь великих шведских королей, Густава Вазы, Густава Адольфа и Карла XII), и что Брелин имел статус поэта-панегириста. Ему принадлежит несколько од шведским королям на случай: на день рождения кронпринца Густава — в 1762 г., короля Густава III — в 1778 г. и королевы — в том же 1778 г. Правда, окончательно авторство стихотворения на смерть Елизаветы Петровны может быть установлено только после специального исследования творчества обоих поэтов.

Некоторые читательские приписки содержат несомненно неверную информацию об авторе сочинения, но лишь в редких случаях оказывается возможным выяснить причины появления подобных эвристических ошибок. Характерный пример такого рода — издание шведского перевода «Сказки о царевиче Февее» императрицы Екатерины II. Русский текст сказки был издан в Петербурге в 1783 г. без указания года и места издания, а также имени автора, шведский — в Лунде в 1799 г. под названием «Царевич Февей. Происшествие в столичном городе. Ее величества императрицы Российской. Перевод»². В отличие от большинства других изданных в Швеции переводов русских текстов, на титульном листе шведского «Февея» не указано, выполнен он с русского или с немецкого языка («Сказка о царевиче Хлоре» была опубликована в России на немецком языке в 1781 г., сразу после выхода русского издания, правда, на шведский не переводилась; немецкий перевод «Февея» найти не удалось, хотя утверждать, что перевод на шведский сделан с русского, а не с являющегося языком-посредником в шведско-русских

¹ Vid hennes Kejsrerliga Maj: t ryska kejsarinnans Elisabeth Petrovnas hugstbeklageliga Dödfäl. Stockholm, 1762

² Zaronen Fewei. En händelse i en resid. Stad af hennes majestöt kejsarinnan af Ryssland. Översättning. Lund. 1799

литературных взаимоотношениях немецкого было бы преждевременно). Кроме указаний на источник перевода и имя автора, в шведском издании отсутствует предисловие, в котором содержались бы сведения о сочинителе и излагались причины появления перевода именно этого произведения (вероятно, издание в Швеции перевода сказки российской императрицы объясняется происходившим в конце столетия политическим сближением России и Швеции: в 1796 г. была предпринята попытка заключить династический брак между шведским королем и российской принцессой Александрой Павловной, в 1799 г. между Швецией и Россией был подписан союзный договор, так называемый «Гатчинский трактат»). Указанные «недоработки» издателя берется исправить неизвестный шведский читатель, на титульном листе одного из экземпляров издания под словами «Ее величества императрицы Российской» делающий приписку «Мария Федоровна» (невестка Екатерины II, вторая жена Павла I). По всей видимости, эта эвристическая ошибка является не только частным промахом неосведомленного и скорого на выводы шведского читателя, но и результатом просчета издателя, нарушившего правила оформления изданий переводных сочинений, принадлежащих иностранным монархам.

И в России, и в Швеции в XVIII в. переводились и печатались произведения глав различных европейских государств. На титульном листе таких изданий «его / ее величеством» титуловались авторы, правившие в год выхода книги, при том, что имя коронованного писателя могло не называться (например, «Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого» (СПб., 1788), т. е. Густава III (1771–1792). Имя же (без титула «его / ее величество») указывалось в том случае, если издателю необходимо было выделить автора из числа других, как правило, правивших ранее монархов представленной им страны (в России в 1774 г. вышли «Записки Христины, королевы Шведской» (правившей в Швеции с 1644 по 1654 г), а в 1789 г. — «Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (Фридрих умер в августе 1786 г). Та же тенденция прослеживается в заглавиях переводных сочинений, посвященных наиболее известным европейским королям: в Швеции в 1786–1787 гг. издавались «Анекдоты о Фридрихе II» Ф. Х. Унгера (Unger), в 1788 г. — книга А. Ф. Бюшинга (Busching) «Характер Фридриха II, короля Пруссии», в 1792 г. в России появились «Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского» и «Достоверное известие о убийстве его величества короля швецкаго... 10 апреля 1792 г.», а в 1793 переведенный с немецкого «Разговор в царстве мертвых несчастного Людовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III, королем шведским». Правда, в случае с изданиями сочинений об иностранных монархах можно говорить лишь о тенденции (та же книга Унгера начала издаваться в 1786 г., возможно, еще при жизни Фридриха).

По всей видимости, объявляя автором «Февея» «Ее величество императрицу Российскую», шведский издатель специально или по недоразумению

указывал на супругу правившего в 1799 г. российского императора Павла Петровича (можно допустить, что, не называя имени российской императрицы, он объявлял Екатерину единственной в России венценосной писательницей). В отличие от читателя оды на смерть Елизаветы Петровны, вероятно, имевшего какие-то основания усомниться в справедливости атрибуции издателя, читатель «Февея» никакими специальными знаниями о русском сочинении не обладал и лишь отметил очевидный для него факт.

Неизвестно, была ли широкая шведская общественность знакома с мнением неизвестного атрибуциониста, очевидно лишь, что подобную эвристическую ошибку мог сделать любой европейский читатель XIX (а возможно, и XX в.), следовавший той же логике, что и издатели сочинений зарубежных монархов и не имевший представления о состоянии дел в русской литературе вообще и о творчестве Екатерины II в частности.